

А. М. ПЛОТНИКОВА

(Уральский федеральный университет им. первого

Президента РФ Б.Н.Ельцина

г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'42

ББК Ш105.51

НАИВНАЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ: ОТ ШУТКИ ДО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА⁷

Аннотация: В статье рассматривается феномен наивной лингвокреативности, которая обнаруживается в текстах исковых заявлений и жалоб, докладных записках, письмах в газету, объединенных общей коммуникативной целеустановкой критики представителей власти и любых вышестоящих лиц. Используемые авторами текстов лингвокреативные приемы, такие как поэтическая адресация, трансформации устойчивых жанровых форм, использование кавычек в особых стилистических функциях, выбор незуальных лексических средств для обозначения негативной оценки, нацелены на дискредитацию лица. Наивная лингвокреативность используется как способ выражения внутреннего состояния автора, выражающего осуждение, исходящего из презумпции правильности своих оценок и поэтому выбирающего такие дискурсивные стратегии и тактики, которые обладают мощным воздействующим эффектом.

Ключевые слова: языковая игра, жалоба, судебная лингвистика

В основе лингвокреативного мышления лежат установки на эксперименты с языковыми знаками, обусловленные способностью говорящих к ломке и переключению ассоциативных сте-

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-02005)

реотипов, созданию нового речевого продукта на базе переработки существующего языкового материала [Гридина 1996]. Механизмы вербальной креативности активно изучаются на материале художественных текстов, эстетическая специфика которых способствует включению особого игрового режима. Традиционным материалом изучения лингвокреативности также становится детская речь, спонтанные эвристики которой, по словам Т.А. Гридиной, становятся базисом языковой игры [Гридина 2014].

Расширение дискурсивных практик, в которых применяются игровые приемы, объясняется лингвокреативной деятельностью широких масс, «массовым лингвокреативом». Е.Н. Ремчукова называет причинами тотального речетворчества механизмы лингвокреативности для оптимизации речевого воздействия, и лингвистическую свободу, которая царит в Рунете, и общий настрой русского человека на языковое творчество» [Ремчукова 2014: 287].

Исследовательское внимание сосредоточено преимущественно на речетворчестве тех людей, чья профессиональная деятельность связана со словом (например, журналистов, политиков и политологов), а также чья социальная активность реализуется в сфере словесного творчества (авторы блогов). Вместе с тем в современном социуме рядовой носитель языка во многом под влиянием масс-медийной среды стремится к проявлению речевой нестандартности, трансформациям устойчивых жанровых форм.

Материалом исследования является корпус текстов различной жанровой природы (исковые заявления, жалобы, письма к представителям власти разных уровней, докладные записки, письма в газету и др.), объединенных коммуникативной целеустановкой критики некоего лица и/или организации и разоблачительной тональностью. В исследуемую нами совокупность текстов сознательно не включаются любые журналистские материалы. Ввиду того что некоторые из рассматриваемых текстов представляют собой анонимные письма и содержат указание на неопределенный круг адресантов (например, *«Пишут Вам граждане Свердловской области, обеспокоенные и пострадавшие*

от полицейского беспредела»), не исключено, что в создании писем могли принимать участие лица, профессионально работающие со словом (журналисты, редакторы, филологи). Факт наличия значительного количества ошибок в анонимных письмах теоретически может свидетельствовать о намеренном искажении письменной речи, однако все эти обстоятельства специально нами не учитываются.

Поскольку тексты написаны рядовыми пользователями языка, в этих текстах частотны отклонения от орфографических, пунктуационных, лексических и грамматических норм, приводящие к многочисленным ошибкам. При цитировании текстов все их речевые особенности сохраняются.

Подобно наивной живописи, эксплуатирующей некоторые изобразительные приемы, «наивное письмо» направлено на решение тех же коммуникативных задач, что и тексты, соответствующие жанровым канонам. Признак спонтанности, отмечаемый в качестве основного для текстов естественной письменной речи, не является типичным для исследуемых нами текстов. Более того, такие тексты могут дополняться автором, видоизменяться, существовать в нескольких редакциях, при этом данные тексты могут быть внешне оформленными как стихотворные, что, безусловно, свидетельствует об их подготовленности. Например, стихотворение «Наш «честный» суд», распространяемое его автором в здании суда и имеющее несколько вариантов, один из которых в сокращенном виде приводится ниже:

*Цветет коррупция в судах
Плоды её то Ох, то Ах.
Ох, этот суд Евпаторийский,
Плюют здесь часто на закон.
Поставим судьям обелиски
С достойной надписью «Дракон».
Здесь волчи, взяточные нравы
Так закусили удила,
Что пишут в пользу всех неправых
Благоприятные дела.
Тех, кто Р-ая, Н-ов
И дурковатый В-ой*

*Таких пора садить на нары,
Коль им преступник в доску свой.
И Лидер их в суде «Царь-птица»
Плевать в законы не боится;
Плюёт на собственную честь,
Зато взамен квартира есть
Такая, что другим не снится...
Дом на проспекте Ильича
Стоит как символ Палача!
<...>*

*Пока у нас так много пути,
Есть на тебя надежда, Путин?
В словах тебе не передать
Как очень мы устали ждать!*

Как видно, экспрессивная манера речи, использование стилистически разнородной лексики, риторические вопросы и восклицания направлены на выражение гражданского пафоса. Автор использует топонимы (дом на проспекте Ильича), которые для посвященного читателя указывают на людей, становящихся объектом критики. Понимание стихотворного текста осуществляется на фоне внетекстовой реальности.

В дискурсивном отношении исследуемые тексты можно назвать «наивным письмом» (Н.Н. Козлова, И.И. Сандомирская), повседневым, бытовым, просторечным, неканонизированным письмом (Б. А. Ларин), естественной письменной речью (Н.Б. Лебедева). Отстаивая термин «естественная письменная речь» для широкого круга объектов, к которым относятся разного рода письма, открытки, записки, книги отзывов, жалоб и предложений, еженедельники, записные книжки, рукописные альбомы, граффити и др., Н.Б. Лебедева называет следующие признаки, позволяющие отнести речь к естественной письменной: неофициальность (повседневность) сферы бытования как интенциональный признак, спонтанность как способ и характеристика результата, отсутствие промежуточных лиц и инстанций («фильтров») между отправителем и реципиентом текста, непринужденность, непосредственность, вписанность в конситуацию, в психологическое и социальное бытие автора [Лебедева

2011: 9]. Неприятие термина «наивное письмо» связано, во-первых, с его ярким оценочным модусом, а во-вторых, с тем, что подобные тексты, как полагают авторы монографии «Естественная письменная речь», не должны быть вписаны в искусствоведческую парадигму [Там же, с. 11].

В конфликтном дискурсе лингвокреативность выступает в качестве мощной по воздействию потенциалу техники, работающей на общую целеустановку дискредитации личности. Своеобразие креативных приемов в конфликтном дискурсе определяется тем, что выбор средств воплощения игрового кода обусловлен интенцией «уколоть», обидеть адресата, поэтому игровой прием должен быть легко считываемым, не характеризоваться многослойностью и сложностью интерпретации. В то же время у говорящего есть другая целеустановка – привлечь внимание к проблеме через обращение к представителям власти, то есть такого рода тексты – это публичный вызов, способ воздействия на представителя власти.

Например, автор обличительного стихотворения использует трансформацию фразеологизма *моральный урод*, имеющего значение: «о человеке, нравственно неполноценном», заменяя оскорбительное слово с отрицательной оценкой на антонимичное с положительной оценкой:

*Дороги строят нам халатно,
Воруя прям у своего народа!
Здесь так и хочется сказать мне неприлично:*

Ну кто же выбирал такого нам морального... «красавца»?!

Проявляя метаязыковую рефлекссию, автор оценивает выражение «моральный урод» как такое, которое сказано «неприлично», однако при выборе номинации все-таки избегает негативно-оценочного слова, заменяя его ироническим употреблением слова «красавец», взятого в кавычки, при этом сохраняя рифму *народа – урода*, позволяющее читателю восстановить исходную форму фразеологизма.

В стремлении быть выразительным авторы таких текстов делают неумелые попытки эксплуатации известных стилистических приемов, например, паронимической аттракции:

Разрушенные в городе

Упали остановки.

А власть дает нам всем опять

По жизни установки.

Остановимся лишь на тех речевых приемах, реализация которых преследует коммуникативную цель, связанную с дискредитацией личности и выражением враждебно-неуважительного, презрительного отношения к человеку.

Самым распространенным приемом выражения негативного отношения является прямое обвинение лица в совершении каких-либо аморальных действий. Наиболее типичным в исследуемом материале является представление лица неадекватным, сумасшедшим. Концептуальная зона «сумасшествие» втягивает в свою орбиту создаваемые игровые лексемы и фразеологизмы, например: *«Один из двух Фроловых мне написал, что посещение заседания не является обязательным, а теперь пишет, что иных ответов от Киселева не будет и подписывается «Фролов О.А.» Так что у этого Фролова не просто раздвоение личности, у него «растройство», поскольку он считает себя ещё и Киселевым. А это уже шизофрения в кубе»*. Психическое расстройство, типичное представляемое как раздвоение, переосмысливается автором при помощи буквализации и демегафоризации внутренней формы слова, в результате чего появляется «растрое-ние», а вслед за ним и «шизофрения в кубе».

Психическое расстройство изображается через перечисление абсурдных действий, например: *«С его подачи А. начал активно симулировать сумасшествие, и не гнушается ничем – рычит, лает и даже кушает бутерброды с кашками. Уже бутербродов десять съел»*. В русском языке распространена метафорическая модель, при которой значение высокой интенсивности действия, признака передается с помощью гротескных физиологических образов (напр., глаза на лоб лезут, жрать в три горла, челюсть отвалилась, язык на плече, из кожи (вон) лезть и т. п.). В сфере разговорно-сниженной, жаргонной лексики и фразеологии такая модель является одним из основных способов развития вторичных значений слов, относящихся к сферам сексуальной и экскреторной лексики. В жаргоне также распространена метафора использования экскрементов в качестве пищи, которая

используется для характеристики разнообразных ситуаций. Наличие в языке такой модели, а также очевидная абсурдность действий, с помощью которых репрезентируется ситуация, позволяет понимать сообщение о конкретных способах имитации психического заболевания не буквально.

Словесно демонстрируя то отчаянное состояние, в которое приводит автора критикуемое лицо, выражая возмущение происходящим, автор показывает, что готов идти на неестественные с точки зрения обыденной логики поступки. Например, характеризуя *«неподобающий вид судьи М., растянутый ворот мантии, из которого выглядывает нижнее белье не совсем белого цвета»*, он предлагает: *«Давайте флаг на полоски разрежем, расковыряем дырки в гербе, им тоже жарко»*. Абсурд становится способом противостояния тем обстоятельствам, которые побудили автора к нестандартным способам самовыражения.

Следует отметить, что в рассматриваемых текстах автор редко говорит о себе, оставаясь в тени описываемых значимых для него обстоятельств. При разнообразии форм создания автопортрета говорящего конструирование собственного «я» предполагает отражение личностно значимой информации, такую информацию авторы текстов не всегда готовы сообщать. Редкие окказиональные номинации призваны продемонстрировать собственные возможности, воздействовать на адресата демонстрацией превосходства. Например, в высказывании *«Поймите, я ужасный нервомот, я воспитывал себя целенаправленно в этом режиме десятилетиями»* для автохарактеристики использована номинация, образованная от словосочетания «мотать нервы».

В целях дискредитации профессиональных качеств человека, который по долгу службы работает с людьми, используются номинации лиц, чья профессия имеет отношение к животным (*«М. – скотовод № 1»*, *«Кто взял на работу чабана?»*, *«Участковый колхозник Б.»*). Скотоводом и чабаном названы государственные служащие, а колхозником – сотрудник правоохранительных органов, подобные номинации служат средством снижения социального статуса и реализации общей критической установки.

Типовым приемом для исследуемых нами текстов является иронические словоупотребления, например: *«скромный 4-х*

этажный кирпичный милицейский домик, построенный на одну зарплату господина В.»; «"скромный медик" и "подвижник" уже и так имеет две квартиры в элитных домах». В ряде случаев наблюдается мейозис, служащий средством эвфемизации, сдержанности оценочного отношения: «За последнее время все выигрыши "по случайному стечению обстоятельств" ложатся на стол Н.». Кавычки в данных случаях выполняют традиционную функцию манифестации иронического отношения.

В другом случае автор использует прием алогизма: «*У вас скучная и однообразная жизнь. Не беда, обращайтесь в агентство Евразия и всё изменится. Суды, полиция и прокуратура станут вашими друзьями и вы получите весь спектр эмоций*». Очевидно, что обращение в агентство может существенно осложнить жизнь клиента, которому придётся в результате столкнуться с судами, полицией и прокуратурой.

Как видно из приведенных выше примеров, стремление к экспрессивности выражения зачастую вступает в конфликт не только с законом, запрещающим оскорблять и унижать другого, но с требованиями речевой культуры. Вместе с тем используя игровой прием, автор дает себе труд уйти от прямого обвинения, предложить сатирическое, гротескное изображение события. Например, так происходит при трансформации устойчивых речевых форм, призванных усилить производимое впечатление: «*Продам мэра Н. Со всеми потрохами. Недорого. Идеальное тех. состояние. Воровать умеет. Брал для себя, пользовался бережно. Продаю в связи с невозможностью содержать подонка. Возможен обмен на стоковый бампер у30*».

Претензия на оригинальность словотворчества и свободу самовыражения в конфликтной коммуникации всегда может иметь правовые последствия, так как изящество игровой установки или использованного игрового приема вряд ли будет оценено адресатом, тем более в ситуации, когда коммуникативная компетенция автора не дает оснований для того, чтобы делать вывод об оригинальности выбираемых приемов и множественности интерпретаций игровых трансформ.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург, 1996.

Гридина Т.А. Лингвистика креатива-3. Коллективная монография / Под общей редакцией Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014.

Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. – М., 2011.

Плотникова А. М. «Ненадежные рассказчики» в практике лингвистической экспертизы текста // Политическая лингвистика. 2017. №5.

Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. М., 2014.

©*Плотникова А. М., 2018*